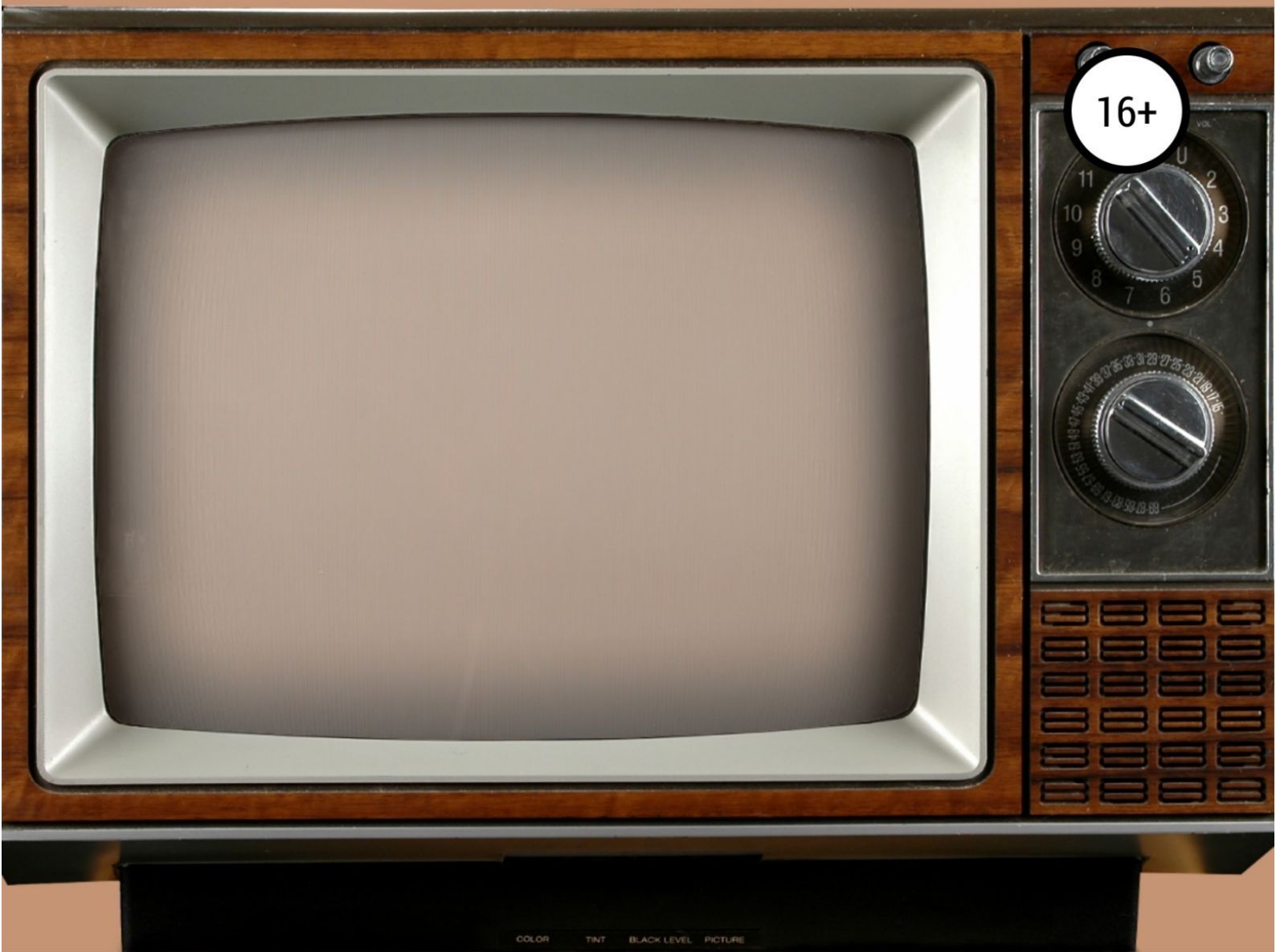

Максим Шелехов

Не хлебом единым

Максим Шелехов
Не хлебом единым

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шелехов М. Ю.

Не хлебом единым / М. Ю. Шелехов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Это хвалебная песнь телевизору, пропетая обычным, ничем не
примечательным обывателем, однако фантазия которого способна на многое.

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

«Ода телевизору» – таким было первоначальное название этого сочинения моего. Я даже уже и придумал следующее вступление: «Как это так, по сей день, и никто не пропел телевизору хвалебную песнь!» – я был натурально возмущен таким страшным упущением человечества. Но потом решил справиться в Интернете и... Есть! Род людской еще не безнадежен, смело могу свидетельствовать. Писана Ода телевизору, и не одна! Я насчитал добрых полдюжины. Значит, моя Ода вещателю судеб людских и мировых происшествий будет, по меньшей мере, седьмой. И это, по меньшей мере, и только на русском языке! Но, все равно, мало этого! Все равно, недостаточно! Может, написать две?..

I

Обойду дальнейшее предисловие. Третьего дня собирались у Егорочкина, Павла Степановича, по случаю его попадания в телевизор. То есть причина собрания была объявлена иной: толи годовщина свадьбы их с Алевтиной Ивановной, женой его, на этот день пришлась, по счастью, толи... Впрочем о том почти не поминалось. Говорили о событии пятидневной давности, о посещении нашего горисполкома губернатором. А Егорочкин, между прочим, мой хороший приятель, также, между прочим, является, можно сказать, правой рукой заместителя городского головы. Конкретно должности его я не знаю, как оно там у него в трудовой книжке записано. А, может, так и записано: «можно сказать, правая рука заместителя городского головы». Может быть, есть такая должность. Как бы то ни было, то неважно. Важно, что видный он у нас чиновник, Павел Степанович. Что значит, случается ему бывать на виду.

Короче говоря, губернатора снимали. Не могли не снимать, не каждый день в городок наш жалуют столь высокопоставленные лица! Наши местные телевизионщики снимали. Для них, для всех нас – событие! Навезли камер. Обе свои камеры привезли, расставили как надо. Все это со слов Павла Степановича описываю, я сам не видел. Расставили на крыльце, ждут губернатора. Прибыл! Понятно: суета, движение. Но в объектив пожаловать пока никто не смеет, в объективе пока один губернатор помещается, со скрипом. Дали общий план. И тут... Вот тут!..

«В правом нижнем углу экрана, смотрите! Все, смотрите!» – Павел Степанович на ногах, тычет пальцем в телевизор. Гости тоже повставали из-за стола, мечутся. Перед глазами у меня чьи-то букли, работаю локтями, продвигаюсь в первые ряды. «Всё! Другая пошла картинка. Это уже губернатор восседает на конференции». И что, на конференции Павла Степановича уже не будет? Не будет. Вздохи разочарования. Мне тоже не удалось рассмотреть, где там был мой приятель, как его показали. Всё эти букли! Не беда, предприимчивый хозяин спешит успокоить всех, ролик записывался, сейчас будет возможность повтор посмотреть.

Теперь уже для удобного просмотра все приготовления выполнены. Стулья расставлены амфитеатром перед телевизором. Атмосфера царит праздничная. Алевтина Ивановна и впрямь как невеста, статна, торжественна, с чувством гордости и затаив дыхание ждет с остальными. Нарастает всеобщее нетерпение. Скорей бы уже! В руках у Павла Степановича пульт от DVD проигрывателя, он весь в приятном волнении. Его лысеющую голову покрывает легкая испарина. Он руководит записью. С его легкой руки: губернатор вновь поднимается по ступенькам – объемистый какой, важный. Сейчас дадут общий план. Внимание! В правом нижнем углу экрана! Вот, вот, всем видно? – Теперь всем видно! Прошмыгнул Егорочкин, с портфельчиком, умудрился-таки пролезть в объектив, каналья! Ай да Павел Степанович, ну рыба! Еще там что-то бровкой успел повести. – А давайте еще раз посмотрим, в замедленном действии!..

Смотрели еще и еще раз, пересматривали, на паузу ставили. Каждую черту, каждое движение Павла Степановича изучили до подробностей наимельчайших. Два с половиною часа полуторасекундному фрагменту посвятили – показалось мало. Договорились еще собраться. Когда? Хоть завтра. Стали прощаться, на часах близко к полуночи.

Декабрьская ночь заметно освежила мои мысли, мороз быстро хмель с головы выдубил. Егорочкины гостей коньяком угощали и водкой. Я пил сначала коньяк, пока не кончился. Потом пил водку. Не пойду завтра к Егорочкиным! – такое на свежем воздухе я решение принял.

Дело в том, что мне было отчасти завидно. Всем было завидно, я видел. И никто на следующий день Егорочкиным повторный визит не нанес, весьма прогнозируемо. Павел Степанович сам себя в телевизоре наблюдал, и даже Алевтина Ивановна ему в компании отказала. А ему что? Ему хоть бы что с того. И я его понимаю.

Еще сегодня встретил майора Лобова, Тимофея Аркадиевича, одного из позавчерашних сотрапезников, он тоже был у Егорочкина. Он приветствовал меня теплее обыкновенного. Мы не были закадычными приятелями.

– Здравствуй-те... Тимо-фей... Аркадие-вич!. – задыхаясь в его неожиданных и крепких объятиях, отвечал я.

– Ну, Егорочкин, ну, жулик, ну, Ихтиандр, – не затянул перейти к теме насущной майор.

– Жулик? – возразил я. Показалось мне не подходящим такое определение относительно Павла Степановича.

– Так вы не осведомлены? – удивлению Лобова, казалось, не было предела.

– Не осведомлен?

– Скажите пожалуйста! Ну, молодежь! И вас не насторожила готовность Павла Степановича, чрезвычайная уверенность его?

– Уверенность? – ничего не понимая, словно говорящий попугай, продолжал переспрашивать я.

– Что вот обязательно в пятничном репортаже место его физиономии найдется?

– Так он ведь в объектив нарочно, кажется... и ничего, на мой взгляд, в том нет...

– Зазорного абсолютно ничего, вы правы, и даже вполне все это естественно. Вопрос в другом. – И как вы до сих пор не догадываетесь! – Ну как Егорочкину было знать, согласитесь, что при монтаже сюжета, телевизионщики самый этот фрагмент с его мимолетным участием не – чик-чик, ножничками? – Лобов продемонстрировал мне посредством двух своих пальцев, что могли сделать, по его мнению, телевизионщики. – Запросто могли вырезать, потому что выдающегося, кажется, снято не было ничего: не на Эверест, во всяком случае, взбирался губернатор, а на крыльцо исполкомовское... Могли и не вырезать, конечно, – предупредил майор мои возражения, – как, собственно, и поступили. Но каковы были шансы? Ведь даже не пятьдесят на пятьдесят. Рассудите сами. Там – конференц-зал, стулья из дерева, пиджаки, галстуки; если же искали динамики, на худой конец, могли фойе с зеркалами обозреть, тут – жила от натуг на лице губернатора и ступеньки обшарканные! Тут же и Егорочкин с портфельчиком приветливо бровку мастерит, – логику замечаете? – Два хитрых прищуренных глаза смотрели на меня испытующе.

– Никакой не замечаю логики! – отвечал не без раздражения я, чувствуя, как мною овладевает обыкновенная и почти неизбежная в присутствии майора неловкость.

– То-то и оно! – подхватил самодовольно Тимофей Аркадиевич, – то-то и оно, что никакой не наблюдается логики! А вместе с тем, уверенность в Павле Степановиче бьет через край! Рассудите: званый ужин на четырнадцать персон, огласка события, DVD проигрыватель заведомо производит запись.

Надменный вид, торжествующий тон Лобова! – Я был принужден противоречить ему.

– Вообще-то, насколько я помню, Егорочкины своих гостей приглашали поздравить их с годовщиной, в первую очередь, и только уже затем...

Майор громко и от души расхохотался, не дав мне закончить.

– Много же мы тостов за благоденствие их супружеское подняли! – у него даже от смеха на глаза слезы навернулись. – А осетринкой, а коньячком грузинским нам с вами потрафили – хотите сказать, все потому же счастливому поводу? Басня! Вы, кажется, с недавних пор с Павлом Степановичем в отношениях дружеских состоите. А я уж знаю его, птицу, слава богу, тридцать лет почти, со школьной самой скамьи. За все время, что он женат на Алевтине Ивановне, хотите, скажу, сколько раз мне у него в гостях бывать приходилось? Трижды. В том числе на свадьбе их хрустальной, в позапрошлом году, которую, хотите, скажу, чем отмечали? Чаепитием!

Вынужден признать, майор был прав отчасти, за Павлом Степановичем и я успел заметить чрезмерную бережливость. И в гости к себе, за два года нашего с ним знакомства, он меня

не часто приглашал. Третьего дня первый раз пригласил. Так и что с того? Я и сам, в некоторой степени, нелюдим. А то, что в человеке амбиция выиграла, зажглась жажда похвалы, так тому была весомая причина, опять же. Планировалось, что человека покажут по телевизору!

– Не обязательно, что Егорочкин был в чем-то уверен, – отвечал я майору не без претензии в голосе, – он мог и должен был надеяться. Вы говорите, шансов было даже не пятьдесят на пятьдесят. Да будь у меня хоть один процент из ста, на то, что вот тогда-то, да в таком-то часу будут мою физиономию по телевизору демонстрировать, да имейся у меня такая причина, как годовщина свадьбы, в закромах, для подстраховки, я бы не то, что на четырнадцать персон стол накрыл, пригласил бы в гости полрайона! – Я вошел в азарт. Дело приняло новый оборот. Теперь я отстаивал собственную позицию, преимущественно, и только затем уже защищал доброе имя Егорочкина.

Лобов окинул меня таким взором, какой адресуют выскочкам дилетантам специалисты своего профиля.

– Вынужден с вами не согласиться, – менторским тоном произнес он. – Смоделируем ситуацию. Предположим вам или мне, людям с умом и со вкусом, – подчеркнуто свеликодушно начал майор, возвысив меня до своего уровня, – предположим, кому-то из нас посчастливилось под прицел оператора телевизионной компании угодить, как давеча Егорочкину посчастливилось. Предположим также, мы знаем, что съемки велись не пустые и праздные, а имеют все предпосылки к обнаружению логического конца. Существуют, предполагаем мы, существуют все основания рассчитывать, что сюжет покажут, определенно покажут, которому событию известны даже точные час и дата. Но вот в каком виде выйдет репортаж мы знать заведомо не можем, согласитесь сами, не могут знать того наперед даже операторы. Операторы просто снимают, все подряд. Конечно, у них свое видение, своя технология съемок, у операторов, но... Все в репортаж не уместить: обязательна и неминуема фильтрация. И то уже приходится на вкус ответственного за репортаж лица. А теперь! – Где гарантия, спрошу я вас, где гарантия того, что какому-нибудь Петечкину, или Васичкину, вот когда тот будет свой сюжет монтировать, где гарантия, что моя или ваша фигура, с общей композицией в сочетании, покажется такой уж гармонической?

Говорят он талантливый следователь, этот Лобов. Я, признаюсь, не без интереса следил за ходом его мысли.

– Думаю, ни у вас, ни у меня, – продолжал он, – думаю, такой гарантии нет и быть не может, только если... Но мы с вами пока не будем касаться вездесущего этого «если», – произнес майор с плутовской улыбкой. – Думаю, не постоит за тем, а? – Вопрос был откровенно риторическим, на который я и не думал отвечать. Майор, впрочем, и не дожидался моего ответа.

– А раз уж мы взяли курс мимо «если», что остается нам? Уповать на счастливый случай и просчитывать варианты.

Тимофей Аркадиевич посмотрел на меня долгим и откровенно насмешливым взглядом.

– Занимательный вы человек, – сказал он мне. – Вдохновеннейшую речь произнесли. Заслушаться недолго. И одного шанса из ста вам довольно, и полрайона гостей готовы вы пригласить... Закуражились вы, по-моему. По-моему, другого склада вы человек. Впрочем, раз уж на то пошло, готов вам уступить не один, а целых тридцать процентов из ста – столько, сколько, на мой взгляд (опять же, если без «если») могло у Егорочкина быть в распоряжении. Тридцать процентов на то, что Васичкин в своем репортаже ваше присутствие утвердить изволит. Разумеется, все это после того, как бдящему оку его коллеги оператора вы ухитритесь подвернуться. Да и то еще при одном условии... Вы ведь женаты, правильно? Тем проще будет представить нам, как совпадет с днем выхода сюжета в эфир, Васичкиного сюжета, ваша, с вашей бесценной супругой, годовщина. Такое условие обязательно, без которого, вы, я так полагаю, организовывать званый ужин никак не решитесь. Без подстраховки не решитесь. Будь хоть

девяносто процентов у вас из ста на то, что покажут вас по телевизору. Иначе, как обезопасить себя от возможного конфуза?..

Майор казался чрезвычайно довольным собой; не стеснялся расхаживать передо мной взад вперед, как бы разгоняя мысль свою. Снег жалобно хрустел под его нелегкой поступью. Голос его не соответствовал его грузной фигуре. Он говорил пронизывающим воздухом, режущим слух фальцетом; выпускал в воздух целые клубы пара, точно разошедшийся паровоз, отчего пышные, ухоженные усы его были густо покрыты инеем.

– И вот настает этот день, – продолжал фантазировать Лобов, – день вашего, с позволения сказать, бенефиса. Вероятного бенефиса, опять же. Вы созываете полрайона гостей... Пусть, коль вам так вздумалось – полрайона гостей. Повод пока только один, правильно? Как у Егорочкина: годовщина... И все! в этом месте параллели расходятся. Готов голову отдать на отсечение за то, что дальше у вас все не так, как у Павла Степановича получится. Вы, как человек благоразумный, сходу и прямо оглашать событие (основное, главное ваше событие) отнюдь не станете. Вы, напротив, первое время, как щитом, годовщиной своей укрываться будете. Супругу вашу бесценную вы на первый план отправите. Тост за тостом, за нее, за одну. А вы! что вы? Вы скромничаете. Вы замечательно скромный человек!.. – опять прищурился майор в мою сторону, на секунду приостановившись. – Однако с амбицией! – заговорил и зашагал опять он. – И не с амбицией вроде той, что у Егорочкина, нет. Иного рода, иного сорта. Вы в этом плане, можно сказать, эстет. Вы, что вы делаете? Вы все на часы посматриваете из-за стола украдкой. У вас висят в гостиной часы?.. Вот на них вы и посматриваете. Время близится. Телевизор работает на нужном канале, здесь же, в гостиной. Для фона, как принято. Вы одним глазком и туда, в телевизор. Ну наконец-то: «события»! – про себя отмечаете вы. Но полрайона уже охмелело, как раз к тому времени, уже бы им танцы. Кто-то предлагает переключить на «музыку». У вас холодок под ложечкой. «Горька», – шепчете вы на ушко куме вашей. Кума смотрит на вас понимающе и с выражением в глазах: «ну молодчик, ну озорник!». Тут же к жене вашей, к подруге ее, у кумы загорается жгучая зависть. Тут же вилка куму вашему, ее мужу, приходится в бок. «А тебе только бы наклюкаться, одно желание!» – шепчет она, остервенело. Впрочем, хоть и без энтузиазма, но «горька!» кума ваша послушно выкрикивает. Полрайона подхватывает. Вам только того и надо. Вы с готовностью повинуетесь... Никогда еще у вас с супругой вашей дражайшей не было столь затяжного поцелуя... Наконец, все удовлетворены, до ста досчитали, рассаживаются. У супруги вашей губы распухшие, глаза медовые. Никому теперь и пока не до музыки. Все обсуждают юбиляров: «Ну прям, как шестнадцатилетние! Это же надо, отношения сохранили!» Вы, конечно, во все время экран телевизора с поля зрения своего ни на миг не выпустили. Рассчитываете про себя, что где-то уж должно быть близко – *заветное, то самое!* Заводите речь, как бы, между прочим, о политике. Ну, у нас народ в этом деле, известно, подкован. Пошли обсуждения, то есть осуждения. Вы потихонечку и умело так в разговор имя губернатора ввертываете. «А слышали, приезжал?» – подхватывает кто-то из гостей. В любом случае, полрайона такая новость не могла минуть, вы о том догадывались, и вопрос этот ждали. Взгляд на экран, а там: самое время пришло – *заветному!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.